

СЕМЕЙНЫЙ
РОМАН

Исаак Башевис Зингер
Семья Мускат

РОМАН

*Перевод с английского
Александра Ливерганта*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

3-63

Художник А. Иващенко

ISBN 978-5-7516-1577-2

Copyright © 1950 by Isaac Bashevis Singer; Renewed 2019
by The Isaac Bashevis Singer Literary Trust

All rights reserved including the right of reproduction in whole or
in part in any form

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2020

Эти страницы я посвящаю памяти своего покойного брата, И. И. Зингера, автора «Братьев Ашкенази». Для меня он был не только старшим братом, но духовным отцом и учителем и всегда служил образцом высокой морали и литературной порядочности. Хотя человеком он был современным, его отличали лучшие качества наших набожных предков.

Исаак Башевис Зингер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Спустя пять лет после смерти второй жены реб Мешулам Мускат женился в третий раз на пятидесятилетней женщине из Галиции, вдове богатого пивовара из Брод, человека ученого. Незадолго до смерти пивовар разорился, и вдове достались лишь книжный шкаф с мудренными томами, жемчужное ожерелье, которое оказалось фальшивым, и дочь по имени Аделе; на самом деле звали ее Эйделе, но Роза-Фрумелл, ее мать, назвала дочь на современный лад — Аделе. Познакомился Мешулам Мускат с вдовой в Карлсбаде, куда поехал на воды. Там он на ней и женился. В Варшаве о женитьбе не знал никто; находясь на водах, реб Мешулам ни с кем из членов семьи не переписывался, к тому же не в его обыкновении было отдавать отчет в своих действиях. Только в середине сентября его домоправительница в Варшаве получила от него телеграмму. В телеграмме реб Мешулам известил ее о своем прибытии и распорядился, чтобы Лейбл, кучер, встретил своего хозяина на Венском вокзале. Поезд пришел под вечер. Реб Мешулам спустился на перрон из вагона первого класса; за ним следовали жена и падчерица.

Когда Лейбл подошел к нему, реб Мешулам, прикрыв тяжелые веки, сказал:

— Вот твоя новая хозяйка.

В руках у реб Мешулама был лишь маленький, потерянный кожаный портфель, обклеенный разноцветными таможенными этикетками; большой же, с железными

скобами сундук ехал отдельно, в багажном вагоне. Зато женщины сгибались под тяжестью разнообразных саквояжей, пакетов и узлов. Места в экипаже было мало, и почти все вещи пришлось свалить на козлы, рядом с куцером.

Лейбл был не робкого десятка, но при виде сопровождавших хозяина женщин покраснел и он; покраснел и наконец лишился дара речи. Новая госпожа Мускат была женщиной худой, среднего роста, с покатыми — от возраста — плечами и с усыпанным веснушками лицом. Нос у нее распух и покраснел от простуды, а глаза, как это бывает у женщин благородного происхождения и воспитания, были печальными и влажными. На голове у нее под мягкой черной шалью был небольшой парик из тех, что носят набожные замужние еврейки. В сумерках мерцали на длинных подвесках серьги. Из-под шелковой пелерины виднелось шерстяное платье, на ногах были туфли с острыми, на французский манер, носами. В одной руке она держала зонтик с янтарной ручкой, другой прижимала к себе дочь, девушку лет двадцати, высокую и стройную, с неправильной формы носом, костистым лицом, острым подбородком и тонкими губами. Под глазами у девушки были темные круги — вид у нее был такой, будто она не спит уже много ночей. Ее выцветшие светлые волосы были собраны в пучок на затылке и усыпаны бесчисленными шпильками и булавками. В руках она несла букет завядших желтых цветов, пакет, обвязанный красной лентой, большую коробку и книгу, откуда торчал пучок веток, напомнивший Лейблу иву, с которой воспевают хвалу Всевышнему на Празднике Куцей. Пахло от девушки шоколадом, тминными духами и чем-то еще вызывающе иностранным. Лейбл скорчил гримасу.

«Фифа», — буркнул он себе под нос.

— Аделе, дитя мое, вот и Варшава, — обратилась к девушке Роза-Фрумел. — Большой город, правда?

— Откуда мне знать? Я его еще не видела, — отозвалась девушка с едва заметным галицийским акцентом.

Семья Мускат

Как всегда, когда реб Мешулам куда-то уезжал или от куда-то возвращался, он оказался в плотном кольце зевак. В Варшаве его знали все, и христиане, и евреи. Его имя не раз попадало в газеты, и однажды в одной из них появилась даже его фотография. Внешне реб Мешулам сильно отличался от варшавских евреев старого образца. Он был высок, худощав, с тонкими чертами лица, впалыми щеками и короткой, аккуратной белой бородкой клинышком — волосок к волоску. Из-под кустистых бровей на вас пронизательным, непреклонным взглядом смотрела пара зеленых глаз. Нос у него был крючковатый, а над верхней губой росли редкие, точно у морского льва, усики. На нем были картуз и пальто со сборками на поясе и с регланом сзади, смотрелось оно как какое-то диковинное аристократическое одеяние. Издали его и впрямь можно было принять за польского шляхтича или даже за русского дворянина, однако, если присмотреться, в глаза бросались видневшиеся из-под картуза пейсы богобоязненного еврея.

Реб Мешулам торопился. Время от времени он толкал Лейбла в плечо, чтобы тот ехал быстрее. Но сначала долго укладывали багаж, а потом оказалось, что дорога с Велькой на Гжибов перегорожена пожарными машинами, и пришлось объезжать по Маршалковской и Крулевской. Уже зажглись уличные фонари, и вокруг круглых зеленовато-синих ламп роились мухи, они отбрасывали на тротуар причудливые тени. Время от времени мимо гремяхал трамвай, и над ним по электрическим проводам пробегали, потрескивая, голубые искры. Реб Мешуламу все здесь было давно и хорошо знакомо: и высокие здания с большими воротами, и магазины с ярко освещенными витринами, и русский полицейский, стоявший на трамвайных путях, и Саксонский сад с густой листвой, выбивающейся из-за высокой ограды. Среди листьев мерцали и гасли крошечные огоньки. В легком ветерке, подувшем из парка, слышался, казалось, шепот любовных парочек. У входа в парк застыли два жандар-

ма с шашками, они следили за тем, чтобы ни один еврей в длинном лапсердаке или его жена не проникли в парк вдохнуть аромат свежего воздуха. В конце улицы располагалась биржа, реб Мешулам был одним из старейших ее членов.

Экипаж свернул на Гжибовскую площадь, и внезапно все изменилось. Теперь по тротуарам сновали евреи в лапсердаках и камилавках и еврейки в накинутых на голову поверх париков шалях. Изменились даже запахи. В воздухе запахло рынком — гнилыми фруктами, лимонами, чем-то сладковатым и терпким, чем-то таким, что невозможно распознать и что ударяет в нос, лишь когда возвращаешься сюда после долгого отсутствия. Шум на улице стоял невообразимый. Уличные торговцы нараспев выкрикивали свой товар — пирожки с картошкой, горячий нут, яблоки, груши, венгерские сливы, черный и белый виноград, арбузы — целиком и кусками. Хотя вечер выдался теплый, купцы сидели в пальто, на поясе у них висели большие кожаные мешки с деньгами. Торговки восседали на коробках, скамейках и на порогах. Прилавки освещались фонарями или же мигающими в темноте, торчащими из корзин с товаром свечками. Покупатели вынимали фрукты, мяли пальцами или надкусывали, облизывая губы, чтобы ощутить их вкус. Продавцы взвешивали покупку на жестяных весах.

«Золото, золото, золото!» — выкрикивала завернутая в шаль женщина, стоявшая за корзиной с мятыми апельсинами.

«Сладенькие! Сладенькие!» — твердила нараспев толстая девица, обхватив обеими руками корзину с заплеванной сливой.

«Вино, вино, вино! — истошно кричал краснолицый, рыжеволосый коробейник, торговавший гнилым виноградом. — Хоть ешь, хоть пей! Кусай, покупай!»

Посреди улицы грузчики тянули тяжело груженные телеги. Большие, с низким крупом лошади били подкованными железом копытами по булыжной мостовой, вы-

секая из нее искры. Носильщик в шапке с медной бляхой нес корзину с углем, привязанную к его плечу толстой веревкой. Дворник в клеенчатой шапке и в синем фартуке подметал мостовую длинной метлой. Из дверей еврейских школ высыпали мальчишки: из-под восьмиугольных шапочек выбивались локоны, залатанные штаны выглядывали из-под длинных сюртуков. Мальчишка в надвинутой на глаза шапке продавал новогодние календари, громким голосом расписывая свой товар. Какой-то юнец в лохмотьях, растрепанный, с испуганными глазами, стоял у коробки с молитвенными шаями, тфилинами, молитвенниками, ханукальными жестяными подсвечниками и амулетами для беременных женщин. Карлик с огромной головой бродил по рынку, помахивая связкой кожаных хлыстов и демонстрируя, как надо наказывать непослушных детей. На прилавке, освещенном карбидовой лампой, лежали связки еврейских газет на идише, дешевые романы и книги по хиромантии и френологии. Реб Мешулам выглянул из окна экипажа и заметил:

— Земля обетованная, а?

— Почему они ходят в таких лохмотьях? — с брезгливой гримасой спросила Аделе.

— Здесь так принято, — не без некоторого раздражения ответил реб Мешулам. В эту минуту он едва сдержался, чтобы не рассказать жене и падчерице, что ему памятно то время, когда строились эти высокие здания, что он и сам немало сделал для этих мест, что много лет назад по вечерам здесь была тьма египетская, а по улицам разгуливали овцы и куры. Но во-первых, времени на воспоминания не оставалось — они уже подъезжали к дому, а во-вторых, реб Мешулам был не из тех, кто возносит себе хвалу или вспоминает прошлое. Он понимал, что для сидящих с ним рядом женщин Варшава — город чужой, и на какую-то долю секунды вдруг пожалел, что поспешил с женитьбой. А виноват во всем Копл, подумал он про себя. Копл, его управляющий, взял над ним слишком большую власть.